

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В АДЫГСКИХ СКАЗКАХ

Хагожеева Лиана Славовна, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

В статье рассматривается характер художественного отражения в фольклоре принципов, составляющих базовую основу этического кодекса адыгского и дворянского этикета, и имеющих общегуманистический характер. Это, прежде всего, почтительность, вежливость, уважение к окружающим (старшим и младшим по возрасту, родителям, женщине), сознание ценности человеческой жизни, уважение человеческого достоинства. Соблюдение этих принципов было одним из определяющих качеств личности в адыгском обществе, соответственно, и идеального героя в фольклоре. Они стали центральным мотивом в разных жанрах фольклора. В данном ряду они нашли отражение и в сказочной прозе. В работе основное внимание обращено на эстетическую функцию этих мотивов в изображении идеального фольклорного персонажа. Анализируются основные формы объективизации мотивов, связанные с установкой на уважение личного достоинства человека. Привлекаются сравнительные материалы из фольклорных и этнографических источников.

Ключевые слова: фольклор, сказка, адыгское общество, фольклорный герой, сюжет, художественное осмысление мотива.

Как известно, сказка по своей жанровой природе создает идеальных персонажей. Она вкладывает в образы героев черты, которые в системе мировоззрения представителей определенной этнокультурной традиции отражают всю шкалу общепринятых аксиологических ценностей.

Основные нравственно-этические принципы кодекса адыгэ/уэркъ хабзэ, которыми руководствовало адыгское традиционное общество, сформировали ряд приоритетов, в которых они реализовывались. Таковыми были, прежде всего, принципы почтительности, вежливости, уважения к окружающим (старшим и младшим по возрасту, родителям, женщине), сознание ценности человеческой жизни, уважение человеческого достоинства, в том числе в его наиболее изысканной и утонченной форме (*уэркъ хабзэ*).

Установка на уважение личного достоинства человека обусловила отсутствие в адыгском обществе проявлений раболепия, излишнего самоуничижения. Этими же принципами регулировалось и поведение самой аристократии не только по отношению друг к другу, но и по отношению к низестоящим. Князьям и уоркам не позволительно было проявлять высокомерие по отношению к своим подданным. Уважение достоинства личности как стержневого нравственного принципа адыгского общества находит воплощение в адыгских сказках. Так, например, в сказке «НэфЫщІэ цЫкІумрэ хъаныпхъумрэ» жестокому князю дают достойный отпор свободные крестьяне (лхукъуэлІ): «*А махуэм цыщІэдзауэ хъанхэ я бынунагъуэри абыхэм я пыхъуэпышэхэри къуажэм дагъэкІыну, ижъ ижъыжкІэ дянэкІэ ахэр хъаныншэу, пцы-уэркъ ямыІэу, зэкъуэши-зэбыну зэдэпсэуну <унафэ яцІащ>*» – «С этого дня решили, что семья хана и его приспешников должны уйти из села,

и с тех самых старых-престарых времен решили жить одной семьей, как родственники и братья, без князей и дворян»¹.

В сказке находит свое отражение имевшее место у адыгов, в частности кабардинцев, право покинуть своего князя, если тот по той или иной причине переступал черту, нарушая права своих подданных.

Идеалы рыцарского кодекса предусматривали уважительное отношение младших к старшим, фактически независимо от сословной принадлежности. И все же модель отношений «старший/младший» определялась не только возрастными параметрами, но и положением в обществе, а также половой принадлежностью. Правилами адыгского этикета регламентировались обязанности старшего и младшего в самых разнообразных жизненных ситуациях, а воинский, наезднический образ жизни определял функции. Сказка детально описывает правила поведения младшего – хагарея* – во время похода или путешествия. В обязанности младшего во время поездок входили уход за лошадьми и спутниками: во время привала, остановки в пути он должен был разнуздать и стреножить лошадей, дать им корм, напоить; затем добыть дрова, развести огонь и приготовить пищу. Перед началом нового пути в установленной последовательности оседлать лошадей своих спутников.

Строгость в соблюдении обязанностей внутри отряда наездников была обусловлена воинским бытом и образом жизни и представляла собой своего рода воинский устав. Каждой детали придавалось большое значение. Очередность седлания лошадей во время похода, по свидетельству Б.Х. Бгажнокова, признавалась настолько важной, что стала предметом рассмотрения на собрании представителей высших сословий Кабарды. В результате было принято решение, что вначале следует оседлать лошадь младшего, чтобы не заставлять ждать старших его по возрасту и статусу всадников². Соответствующие требования к младшему во время похода или наезда (зекIуэ) подробно описываются в адыгских волшебных сказках. Например, в сказке «Сын батрачки» три всадника, проезжающие мимо дома, где живет юный князь-пши, приглашают его на охоту. Приглашение в данном случае означает своего рода вызов, с целью испытать юношу. Он добывает коня и снаряжение и отправляется в путь. В течение трех суток, проскакав вместе со спутниками весь день, юноша охотится, добывает еду, готовит, ухаживает за лошадьми, а его спутники нарочито не предлагают ему разделить с ними трапезу, не приглашают на ночлег в шалаш. Юный князь демонстрирует благовоспитанность и выдержку: безропотно выполняет свои обязанности, без приглашения не садится есть и остается ночевать под открытым небом, а наутро вновь седлает коней и продолжает путь. Помимо безупречного выполнения обязанностей младшего в поездке молодой князь демонстрирует тонкое знание этикета, в соответствии с которым без приглашения нельзя садиться за стол и есть, располагаться на ночлег. Юноша проявляет выдержку, скромность, не заявляя о себе и о своих желаниях и нуждах.

Правила адыгского этикета строго регламентируют пространственное расположение, которое должны занимать путники по отношению друг к другу, в основе чего лежит модель «старший – младший». В вышеописанной сказке молодой князь узнает тайну трех всадников, с которыми он выехал на охоту: оказалось – его спутники девушки. Путешествие тут же прерывается, и по предложению спутниц княжича, они пускаются в обратный путь. Статус молодого князя меняется. Теперь он, мужчина, старший и, в соответствии с этим, изменяется и его место внутри группы: *«Теперь юноша ехал в середине, а девушка, которой он коснулся ночью, поехала слева – теперь она, как младшая, должна была обслуживать своих спутников. Когда вечером сделали привал на обратном пути, девушка пошла в лес, добыла козу, приготовила ужин. Юноше отдали лучшие куски, в знак уважения в его присутствии не сажались»*³. Согласно этикету, если путников двое,

* Хозяин.

младший должен ехать (или идти) с левой стороны. Когда путников трое, самый младший находится с правой стороны. Если старшему понадобится послать его с каким-то поручением, ему не надо нарушать общий строй.

Семиотически значимым в репрезентации уважения к старшему было вставание при появлении старшего, стояние в его присутствии. Вставание как знак уважения – одно из основополагающих правил адыгского этикета. В адыгских сказках положительные персонажи ведут себя в соответствии с этим правилом, и, напротив, невыполнение его используется как один из штрихов, рисующих образ отрицательного персонажа. Например, в сказке «Сын батрачки» великан-иныжь не встает при виде гостя, зашедшего к нему: «Юноша зашел к иныжу, но тот даже не встал в знак уважения к гостю»⁴. Не встает пред героем, демонстрируя тем самым невежество, отсутствие воспитания, и надменная красавица Биче («Бичэ»).

В сказке «Долетмиз» как прием, подчеркивающий принципы правильного поведения, используется инверсия. В знак почтения к старшему молодой человек не мог сесть в его присутствии и, конечно, не мог пользоваться его услугами. Старуха-нагучица, которая стала его названной матерью, советует юноше вести себя в полном противоречии с правилами. Она велела ему привезать коня к большой коновязи, войти в дом, не вставать когда старик принесет столик с едой, и, как положено по обычаю, не говорить, что не будет есть пока он стоит, и не предложить ему садиться. А когда старик придет в снова прислуживать, принять его приход как должное.⁵ Прием инверсии в сказке призван подчеркнуть непреложность существования этической и этикетной нормы для членов адыгского общества.

Почтительное отношение младших к старшим, одна из неукоснительных норм поведения в адыгском обществе, находит отражение в сказках самыми различными проявлениями: «Нет, сын мой, – говорит герою один из персонажей сказки, – я вижу, ты приехал из дальних краев. Если бы ты не искал достойных мужчины подвигов, не уехал бы так далеко от родного дома. Коли не хочешь опозориться, то послушай старшего и зайди в дом». Не мог Едидж обидеть старшего, вот и завернул к нему во двор».⁶ В этой же сказке герой говорит предавшему его мужчине: «Выведи коня! Я моложе тебя и не могу приказывать старшему, но в обращении с леуном это позволительно»⁷. Предательство, по нормам адыгской системы нравственных ценностей, столь тяжкий грех, что позволяет герою обращаться со старшим, предавшим его тестем без должного почтения.

Установки, регламентирующие поведение в оппозиции «старший/младший», находят отражение в различных жанровых разновидностях адыгской сказки, например, в сказке о животных («Лиса и барсук»), в которой персонажи-животные ведут себя в соответствии с правилами адыгского этикета, принятого в человеческом сообществе: «Как же нам быть? Не станем же мы есть мясо тут же на дороге, словно собаки! Мы съедем его **по всем правилам!** ... Давай выясним, кто из нас **старше**, тот пусть и съест мясо»⁸.

В соответствии с правилами отношения к старшему брату ведет себя и герой сказки «Пшитль»: «С тех пор братья стали жить-поживать в дружбе и согласии. Мальчик вставал рано, готовил для брата еду, вовремя разжигал огонь, приносил воду, убирал в доме. Так прожили они много лет»⁹.

Асланмиз, герой другой сказки «Сын батрачки», прежде чем отправиться к первой жене, затем к матери, заручается согласием родителей своих жен, оказывая им тем самым должное уважение. Асланмиз не только настоящий воин, но и рыцарь, воспитанный в традициях адыгэ хабзэ. Совершив много подвигов, он живет счастливо со своей женой. Но вот он загрустил о своей первой, которая не знает, что с ним, и это его печалит. Его вторая жена идет к своему отцу, и тот дает согласие, чтобы они отправились к первой жене. Затем герой печалится о матери, которую он оставил так надолго и которая также не имеет вестей о своем приемном сыне. «Спасибо, что решили **испросить моего согласия**. Хотите – поезжайте с ним», – сказал князь»¹⁰.

В нормах адыгского этикета прослеживается некая двойственность, неоднозначность отношения к женщине. С одной стороны, мужчина занимает главенствующее положение в обществе, что демонстрирует вышеупомянутая сказка. С другой – «почтительное, вежливо-скромное отношение» к женщине – одна из основных установок и стандартов взаимного обхождения, закрепившихся в адыгском этикете и нашедшем свое изысканное выражение в кодексе знатного воина (уэркъ хабзэ).

Различные аспекты рыцарского по своим принципам отношения к женщине достаточно подробно освещены в работах исследователей Б.Х. Бгажнокова¹¹, Х. Шогенова и З.П. Кардангушева¹², А.М. Гутова¹³, А.С. Мирзоева (А.С. Марзей)¹⁴ и др. Согласно правилам и установкам адыгэ хабзэ, в частности, мужчина должен был оберегать женщину, оказывать ей всяческую помощь; оказывать ей знаки внимания и почтения во время празднеств и игрищ. Дворянский этический кодекс уэркъ хабзэ включал в себя в качестве обязательных элементов рыцарское поклонение женщине¹⁵. Победитель состязаний, осуществлявшихся во время различных торжеств, согласно правилам, должен был вручить свой приз одной из признанных красавиц или одной из почитаемых женщин. Красотой девушки восхищаются, превозносят в здравицах-хохах; на праздниках и игрищах в честь красоты девушки производят выстрелы, оспаривают честь танцевать с нею¹⁶. По описанию А.-Г. Кешева, «...гегуако славил княжну на манер трубадуров Прованса: «Ты краса и гордость земли адыгской... Твои глаза краше блестящих звезд на синем небе. Твой стан гибче камыша, что растет на берегу Белой реки...»¹⁷.

Адыгская сказка так же строится на принципах благородного, рыцарского отношения к женщине, как и этические императивы реальной действительности. В сказках прекрасные девушки восседают на высоких креслах-шагиндаках, им поклоняются, их красоту воспевают, а их расположения добиваются герои («Сафил и Мылигу», «Приключения молодого пши»). Герой обязательно приходит на помощь женщине или девушке, попавшей в плен, похищенной великаном-иныжем, чудовищем-благо, или злодеями, предназначенной на съедение дракону, который запрудил реку. В сказке «Хъан таурыхъ» – «Сказка о хане» герой, несмотря на смертельную опасность оказаться сброшенным вниз, отказывается первым подняться из глубокой ямы, посчитав это ниже своего достоинства и настаивает на том, чтобы первой поднялась девушка¹⁸.

В сказке «Младший сын старика» герой приходит на помощь красавице Глетанай. *«Возвращаясь из леса, я заметил, что какой-то великан уносит красавицу Глетанай... Юноша вскочил на коня. «Покая мне не будет, пока не отмишу обидчику и не верну девушку... Мое слово твердо!» – воскликнул юноша и пустился в погоню за иныжем»*¹⁹. Герой сказки «Батыр, сын медведя» не соглашается поднимать раньше девушки на поверхность земли, рискуя остаться в яме и погибнуть: *«Когда спустили сапетку* за младшей, она сказала: «Теперь садись ты, иначе твои друзья могут бросить тебя здесь!» – «Нет, – отказался Батыр, – ты женщина, я не могу подняться раньше тебя»*²⁰. В сказке «Пшыкъуэдзэм и таурыхъ» – «Сказка о помощнике князя» герой Иласыр освобождает женщину и наказывает похитившего ее злодея²¹. Идеальный герой волшебной сказки бескорыстен в своем благородстве. В сказке «Карбеч» двое мужчин похитили девушку и держат ее в яме, потому что она обоим отказала в замужестве. Карбеч наказывает обидчиков, забирает девушку, привозит ее домой, ждет пока она войдет в дом, и, не дожидаясь изъявлений благодарности, уходит.

Статус женщины в адыгском обществе определялся ее ролью и значимостью в общественной жизни. В обществе женщин мужчина-воин и рыцарь не имел права выражать открыто свой гнев, выказывать грубость, произносить бранные слова. Одним своим появлением женщина могла прекратить поединок. В сказке «Едидж» герой в присутствии женщины укрощает свой гнев в отношении предавшего его

* Сапетка – корзина.

злодея. *«Видеть тебя не хочу, – ответил Едидж. Ты хотел разбогатеть и избавиться от меня, но тебе это не удалось. Поклонись в ноги этой женщине: ради нее я укротил свой гнев»*²².

Благородные сказочные герои не берут побежденных красавиц в жены принуждением или силой, красавицы не становятся наложницами или рабынями героя. Спасенные героем сказки девушки становятся ему нареченными сестрами, а чаще всего сами предлагают ему взять себя в жены. Победенная в поединке героиня сказки говорит: *«Иджы уэ укъыстеклуащ, уэ сыриуфызиц»* – *«Ты и победил меня, и я [теперь] – твоя жена»* (Сказка «Лыфыым и къуэ зейншэ» – «Настоящего мужа сын-сирота»)²³.

Бережное, уважительное отношение к женщине – одна из граней отношения адыгского воина-рыцаря к слабым и незащищенным. Существует целый ряд сказочных сюжетов и мотивов, который рисует женщину как личность ни в чем не уступающую, а в некоторых случаях и превосходящую мужчину по уму, силе, мужеству, ловкости. В адыгских сказках находит воплощение идея равенства, а порой – превосходства женщины над мужчиной. Героини волшебных сказок – женщины-воительницы, которые не уступают мужчине в силе, мужестве и храбрости. В сказке «Нормэрышхо – большой Нормэр» загадочный всадник в белых одеждах и на белом коне и превосходящий всех воинов в силе и ловкости оказывается женщиной, а впоследствии женой героя («Нормэрышхо – Большой Нормэр»)²⁴. Аналогичные мотивы содержатся также в сказке «Лыфыым и къуэ зейншэ» – «Настоящего мужа сын-сирота»²⁵. Героиня, побежденная в поединке, не только предлагает себя в жены, но становится верным другом и помощником героя, помогает ему отомстить обидчикам – украсть ханскую дочь – и берет на себя их защиту от отряда преследователей.

В сказке «Богатырь-женщина» князю по прозвищу Хмурый пши и его другу хану изменяли жены и поэтому они решили истребить всех женщин не только в подвластных им аулах, но и во всей стране. Однако после встречи со стариком, рассказавшим им историю о необычайно сильной, мужественной и храброй женщине, которая отомстила иньям за убийство ими ее отца и трех братьев, князь и хан, устыдившись, отказались от своих намерений²⁶. В сказке «Умная девушка» героиня с честью выдерживает испытание на сообразительность, а затем, став женой пши, выполняет, казалось бы, невыполнимые задачи, поставленные ей мужем. В сказке воплощено убеждение, что женщина не только не уступает мужчине в храбрости, стойкости, мужестве и силе характера, но может и превосходить его, оставаясь при этом женщиной – внимательной, заботливой и ранимой (героиня-воительница сказки, победившая врагов-иньжей, заботливо готовит еду для князя, плачет и даже хочет покончить с собой, вспоминая об убитых отце и братьях) («Богатырь-женщина»).

Почитанию женщины-матери в кодексе созданных этических и этикетных правил и норм принадлежит особое место, что отражено и в сказке. Чувство долга по отношению к своей матери, родителям не дают герою сказки наслаждаться счастьем, пока он не увидит и не позаботится о своей матери. («Озермес», «Курджи-муко Лаурсен», «Сын батрачки» и др.). В сказке «Сын батрачки» герой Асланмиз печалится: *«Я доволен своей жизнью, вы меня ничем не огорчаете», – говорит он своим женам, озабоченным его печалью и задумчивостью. – Но не дает мне покоя моя мать. Знать не знаю, что с ней. Выехал я однажды на охоту и с тех пор не возвращался домой. Как она там одна-одиношенька?»*... *«Поехал Асланмиз в родной аул и нашел свою названную мать в нищете и грязи. Его жены нагрели воды, выкупали старушку, одели ее в чистую одежду. Вскоре он построил хороший дом и матери и себе. И стали они жить дружно, не доставляя матери ни забот, ни огорчений»* («Сын батрачки»)²⁷.

Поскольку основной принцип отношения фольклора к действительности заключается в ее художественном отражении, нельзя воспринимать ту систему

взаимоотношений, которая представлена в сказании, песне или сказке, как зеркальное отражение реально действующих в обществе правил. Есть в фольклорных текстах случаи, когда некоторые нормы поведения и выставляемые условия продиктованы художественными задачами. Так, например, непереносимое лишение жизни всякого неудачливого жениха, когда только одному лишь герою удается не только самому сохранить свою жизнь, но и обрести невесту, есть не что иное, как художественная условность, призванная создать эмоциональное напряжение. С учетом подобных обстоятельств и можно судить об отражении системы этикетных отношений в реальном обществе и их эстетически аккумулированных формах в фольклоре.

Примечания

1. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-и. Пасп. 5.
2. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
3. Адыгские народные сказания и сказки / сост., вступ. ст. и примеч. Ш.Х. Хута. Май-коп: Адыгейское книжное издательство, 1993. 336 с. С. 282.
4. Там же. С. 278.
5. Там же. С. 192.
6. Там же. С. 112.
7. Там же. С. 116.
8. Сказания и сказки адыгов / сост., вступ. ст. и коммент. Ш.Х. Хут. М.: Современник, 1987. 320 с. С. 347.
9. Адыгские народные сказания и сказки... С. 217.
10. Там же. С. 284.
11. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.; *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.; *Бгажноков Б.Х.* Логос игрища. Мир культуры. Вып. 1. Нальчик: Эльбрус, 1990. 208 с.; *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Сюжет. Семантика. Мантика. Нальчик: Культур. центр «Адыгская энциклопедия», 1991. 188 с.; *Бгажноков Б.Х.* Антропология морали. Нальчик: Изд. отд. КБИГИ, 2010. 128 с.; *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 510 с.
12. *Шоджэн Х., КъардэнгъуцІ З.* Адыгэ хабзэу щыІахэр. Налшык. 1995. 135 с. [*Шогенов Х., Кардангушев З.* Адыгский этикет в прошлом. Нальчик, 1995]. (на каб. яз.).
13. *Гутов А.М.* Этюды о кавказском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1998. 124 с.
14. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «зекІкуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 301 с.
15. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет... С. 55.
16. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии / Вступ.ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с. С. 91.
17. *Кешев А.* Избранные произведения / вступ. ст., подг. текстов Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. 264 с. С. 112–113.
18. Таурыхъэмрэ хъыбархэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1970. 156 с. [Предания и сказки. Нальчик: Эльбрус, 1970].
19. Адыгские народные сказания и сказки... С. 138.
20. Там же, С. 235.
21. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-е. Пасп. 11.
22. Адыгские народные сказания и сказки... С. 116.
23. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-ж. Пасп. 15.
24. Адыгские народные сказания и сказки... С. 229–230.
25. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка 6-е. Пасп. 11.
26. Адыгские народные сказания и сказки... С. 166.
27. Там же. С. 285.

COMMUNICATIVE IMPERATIVES IN ADYG TALES

Hagozhcheva Liana Slavovna, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article discusses the nature of the artistic reflection in folklore of the principles that constitute the basic basis of the ethical code of the Adyghe and noble etiquette, and which are of a general humanistic nature. First of all, this is reverence, politeness, respect for others (older and younger in age, parents, woman), awareness of the value of human life, respect for human dignity. Compliance with these principles was one of the defining qualities of the individual in the Adyg society, respectively, and the ideal hero in folklore. They became the central motif in various genres of folklore. In this series, they are reflected in fabulous prose. The work focuses on the aesthetic function of these motifs in the image of the ideal folklore character. The author analyzes the main forms of objectivization of motives associated with the installation on respect for the personal dignity of a person. Comparative materials from folklore and ethnographic sources are involved.

Keywords: folklore, fairy tale, Adyg society, folk hero, plot, artistic understanding of the motive.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-155-161